

ЦИФРОВОЕ НАСИЛИЕ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

СИСТЕМНЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ
ДЕФИЦИТ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМЫ

POLICY BRIEF

Краткий обзор результатов исследования и
рекомендации для политики

Бишкек, 2026

Дисклеймер: Документ подготовлен в аналитических целях. Позиции отражают выводы авторского коллектива и не являются официальной позицией государственных органов. Данные собраны в 2025–2026 гг.

КОНТЕКСТ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Цифровое насилие — умышленные действия с использованием информационно-коммуникационных технологий, причиняющие психологический, репутационный, социальный или экономический вред — стало в Кыргызской Республике устойчивой социальной практикой, а не редким инцидентом. Согласно социологическому опросу 1 070 студентов высших учебных заведений из всех регионов страны, каждый пятый респондент столкнулся хотя бы с одной формой цифрового насилия. При этом уровень проникновения интернета в Кыргызской Республике достиг 98%, а национальное законодательство до настоящего времени не содержит правового определения цифрового насилия как самостоятельной категории.

Это не пробел в одном законе, а системный институциональный дефицит, проявляющийся одновременно на четырёх взаимосвязанных уровнях: нормативном, институциональном, правоприменительном и социальном. Каждый из этих уровней усиливает следующий, формируя самовоспроизводящуюся систему, устойчивую к точечным вмешательствам: чем меньше дел доходит до результата, тем ниже доверие пострадавших к механизмам защиты; чем ниже доверие, тем больше пострадавших предпочитают молчать; чем больше молчания, тем слабее общественный и политический запрос на реформу — и тем устойчивее существующий статус-кво. Именно поэтому точечное вмешательство на одном из четырёх уровней не способно разорвать эту систему: оно неизбежно компенсируется сохраняющимся дефицитом на остальных трёх.

Настоящий документ обобщает результаты комплексного исследования, объединяющего опрос 1 070 студентов, анализ документированных случаев из практики МВД, интервью с сотрудниками правоохранительных органов и адвокатами, а также сравнительный анализ международного и регионального опыта — Молдовы, Канады, Бразилии, Казахстана и практики Европейского суда по правам человека. Документ адресован донорам, неправительственным организациям и государственным органам Кыргызской Республики и формулирует приоритетные направления реформы.

ЧЕТЫРЕ УРОВНЯ СИСТЕМНОГО ДЕФИЦИТА

Нормативный уровень

Ни один действующий нормативный акт Кыргызской Республики не содержит определения «цифрового насилия» как самостоятельной правовой категории. Такие деяния, как кибербуллинг, доксинг, киберсталкинг, сексуализированные дипфейки и сексторшн, квалифицируются через смежные составы Уголовного кодекса и Кодекса о правонарушениях — каждый раз по-разному, в зависимости от подхода конкретного правоприменителя. Принятый в 2025 году Цифровой кодекс впервые закрепил определение дипфейка и обязанность раскрывать информацию об использовании искусственного интеллекта, однако регулирует архитектуру цифровой среды, а не поведение агрессора: он не создаёт ни состава ответственности за сексуализированные дипфейки, ни процедуры срочного удаления вредоносного контента.

Институциональный уровень

Полномочия в сфере цифрового насилия распределены между пятью ведомствами: МВД, Государственным агентством по защите персональных данных, Министерством труда, социального обеспечения и миграции, Министерством образования и Институт Акийкатчы (Омбудсменом). Ни один из этих органов не обладает комплексным мандатом в данной сфере: МВД принимает заявления и расследует угрозы и шантаж, но не располагает специалистами по цифровой криминалистике; агентство по персональным данным надзирает за обработкой данных, но не охватывает доксинг и преследование как формы насилия; Министерство образования ограничено профилактикой кибербуллинга в школьной среде. Пострадавший вынужден самостоятельно определять компетентный орган в момент, когда он наименее способен на это. НПО и Институт Акийкатчы фактически компенсируют этот государственный сбой координации, документируя случаи и направляя пострадавших, — однако это симптом дефицита, а не его решение.

Когда клиент приходит с кибербуллингом — мы не знаем, куда его направить. В МВД: нет состава. В агентство по данным: не наш вопрос

— адвокат, г. Бишкек, апрель 2026 г

Правоприменительный уровень

Анализ пяти документированных случаев из практики территориальных подразделений МВД показывает: исход дела определяется не тяжестью вреда, а случайным стечением процессуальных обстоятельств — наличием двусторонних доказательств, возможностью установить личность нарушителя, готовностью дознавателя работать с цифровым следом. Из пяти случаев два были прекращены, один приостановлен ввиду невозможности установить нарушителя, один завершился протоколом, один передан в суд. Эти пять случаев — иллюстративная качественная выборка, а не статистическая база; количественные показатели ниже (8,5% обращений, 42% молчания, 65% безответственности) получены из отдельного источника — опроса 1 070 студентов — и не выводятся из этих кейсов. Нотариальное удостоверение скриншота остаётся единственным доступным на практике способом фиксации цифрового доказательства, хотя международный стандарт ISO/IEC 27037 требует верификации хеш-значений, метаданных и цепочки хранения. Трансграничные платформы — Telegram, TikTok, Meta — на практике не реагируют на запросы кыргызстанских правоохранительных органов, что превращает дефицит платформенного взаимодействия в один из ключевых барьеров доказывания.

У нас нет специалистов по цифровой криминалистике. Нотариальный скриншот — это всё, что мы можем предложить. А агрессор к тому времени уже удаляет контент.

— сотрудник РОВД, апрель 2026 г

У меня не было доказательств — скриншотов, переписки — поэтому я не могла ничего сделать.

— Женщина, 17 лет, г. Ош

Социальный уровень

Только 8,5% пострадавших обратились за защитой в государственные органы; 42% не рассказали о произошедшем никому. В 65% задокументированных случаев агрессор не понёс какой-либо ответственности. Эти данные не свидетельствуют о пассивности пострадавших — они отражают рациональный ответ на реальный опыт неэффективности системы защиты

Я боялась негативных последствий или огласки — женщина, 19 лет, Джалал-Абадская область	Никуда — если дело не касается шантажа, обращаться в милицию бессмысленно — мужчина, 16 лет, г. Бишкек

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Наибольшая распространённость цифрового насилия зафиксирована в Баткенской области (41%) и городе Ош (35%); наименьшая — в Нарынской области (8,2%). В Бишкеке при наибольшем абсолютном числе пострадавших (51 человек) лишь один респондент обратился в государственные органы, что подтверждает: близость к столичным институтам не компенсирует дефицита доверия к ним.

Показатель	Значение	Источник
Столкнулись с цифровым насилием	1 из 5 студентов	Опрос, n=1 070
Обратились в государственные органы	8,5% пострадавших	Опрос, n=190
Случаи без ответственности агрессора	65%	Опрос, n=190
Не рассказали о произошедшем никому	42%	Опрос, n=190
Стресс, тревожность или депрессия	40% пострадавших	Опрос, n=190
Проникновение интернета в КР (2026)	98%	24.kg, 2026

Гендерный анализ выявил значимые различия в характере пережитого насилия. Мужчины чаще подвергались буллингу и доксингу; женщины — онлайн-домогательствам и онлайн-грумингу. Девять из десяти задокументированных случаев создания дипфейков касались женщин, что отражает системную закономерность: сексуализированные формы цифрового насилия являются инструментом гендерного контроля, а не случайностью. Социальные сети — Instagram, TikTok и Telegram — остаются доминирующей средой цифрового насилия для всех групп; Telegram занимает особое место в опыте женщин ввиду широкого использования платформы для учебной коммуникации, что делает уход с платформы фактической потерей доступа к образованию.

Показателен случай из Бишкека (2025 год): дело о угрозе публикации дипфейк-контента было прекращено, поскольку специального состава для такого деяния в законодательстве не существует — угроза распространения синтетического материала сама по себе не образует наказуемого правонарушения. Дополнительным барьером остаётся языковой разрыв в модерации: алгоритмы крупных платформ не распознают язык вражды на кыргызском языке, в связи с чем часть вредоносного контента остаётся невидимой для систем автоматической модерации и продолжает распространяться без какого-либо ограничения.

Цифровое насилие причиняет измеримый психологический вред: 40% пострадавших испытывали стресс, тревожность или депрессию, 10,5% — нарушения сна. Женщины статистически значимо чаще реагируют закрытием аккаунтов и уходом из публичного цифрового пространства (20,77%), тогда как мужчины чаще наращивают онлайн-активность. Это означает, что цифровое насилие непропорционально ограничивает участие женщин в цифровой жизни общества — то есть функционирует как барьер для реализации права на свободу выражения.

Меня обвинили в том, что я сама виновата

— женщина, 17 лет, Джалал-Абадская область

ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ: ПОЧЕМУ СЕЙЧАС

Период 2025–2026 годов формирует редкое стечение условий для реформы. Каждый из перечисленных факторов сам по себе недостаточен, однако в совокупности они создают точку входа, которая не будет постоянной: технологическая реальность — в первую очередь развитие генеративного искусственного интеллекта — меняется быстрее, чем любой законодательный процесс.

Фактор	Значение для реформы
Цифровой кодекс КР (2025)	Первое определение дипфейка, право на цифровую идентичность. Создаёт технологический фундамент, но не регулирует поведение агрессора.
Законопроект о цифровых доказательствах (Минюст)	Устранит доказательственный вакуум при условии ускоренного принятия в 2026 году.
Горячая линия 114 (Минюст)	Работает круглосуточно, но лишь 8,5% пострадавших обратились за помощью хоть через какой-либо канал — охват можно увеличить немедленно через информационную кампанию.
Прецеденты Казахстана и Молдовы (2025)	Первые судебные решения по кибербуллингу появились через восемь месяцев после принятия нормы — готовая модель для адаптации в КР.
ЕСПЧ, Volodina v. Russia (2021)	Закрепляет позитивные обязательства государства по цифровому насилию как обязательный правовой стандарт для всей европейской правовой семьи.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Анализ четырёх уровней системного дефицита подтверждает: проблема не решается принятием одной нормы. Ниже представлена матрица приоритетных действий, структурированная по временным горизонтам и ответственным органам.

Горизонт	Приоритетные действия	Ответственные
0–12 мес.	— Принять законодательное определение «цифрового насилия» и специальные составы: киберсталкинг, доксинг, сексуализированные дипфейки, сексторшн	Жогорку Кенеш Министерство юстиции

Горизонт	Приоритетные действия	Ответственные
0–12 мес.	— Ускорить принятие закона о цифровых доказательствах; внедрить протоколы ISO/IEC 27037 — Создать межведомственную рабочую группу с чётким мандатом и публичной отчётностью — Провести информационную кампанию о горячих линиях 114 и 5200	Кабинет Министров НПО, Институт Акыйкатчы
1–3 года	— Создать IT-лаборатории в регионах; ввести обязательную подготовку следователей, прокуроров и судей — Разработать правовые механизмы взаимодействия с трансграничными платформами; локализовать модерацию на кыргызском языке — Интегрировать цифровую безопасность в учебные программы; адаптировать охранные ордера к цифровой среде	МВД Судебно-экспертная служба Министерство образования
3+ лет	— Учредить постоянный координирующий совет по цифровой безопасности личности — Создать национальную систему мониторинга цифрового насилия с данными по полу, региону и форме — Принять национальную стратегию цифровой безопасности личности	Кабинет Министров Национальный статистический комитет Администрация Президента

АДРЕСАТЫ РЕКОМЕНДАЦИЙ

Реализация предложенных мер требует одновременного участия законодательной, исполнительной и судебной власти, а также гражданского общества и международных партнёров. Таблица ниже определяет первоочередные шаги для каждого адресата.

Адресат	Первоочередные шаги
Жогорку Кенеш / Министерство юстиции	Внести законопроект о специальных составах цифрового насилия; ускорить принятие закона о цифровых доказательствах
МВД / ГКНБ	Разработать ведомственный стандарт работы с цифровыми доказательствами; создать IT-лаборатории в регионах

Адресат	Первоочередные шаги
Кабинет Министров	Учредить межведомственную рабочую группу; предусмотреть финансирование в бюджетном цикле 2027 года
Институт Акыйкатчы / НПО	Усилить первичное консультирование пострадавших; вести мониторинг правоприменения
Министерство образования / университеты	Интегрировать цифровую безопасность в учебные планы; обновить образовательные стандарты юридических вузов
Доноры и международные партнёры	Финансировать IT-лаборатории и обучение специалистов; поддержать информационные кампании и национальный мониторинг

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровое насилие в Кыргызской Республике — это не дефицит одной нормы, а взаимоусиливающаяся система: слабое право питает институциональную раздробленность, та — непредсказуемое правоприменение, а оно — молчание пострадавших. Разорвать эту систему точечной мерой невозможно: пока хотя бы один из четырёх уровней остаётся без изменений, остальные три будут воспроизводить дефицит снова. Три первоочередных действия — законодательное определение цифрового насилия, межведомственная координация и стандарты работы с цифровыми доказательствами — образуют минимально необходимый пакет, без которого любая последующая реформа останется декларативной. Бездействие не сохраняет статус-кво — оно его воспроизводит и оставляет каждого пятого студента без защиты ещё на год.

